

Наринэ Абгарян

БЕГОНИЯ

Ничто не радовало Максима Георгиевича в предновогоднее утро: ни пенсия, которую повезло получить накануне за пять минут до закрытия банка, ни внезапно нормализовавшееся давление — пришлось аж три раза измерить на обеих руках (один раз сидя, дважды — лежа), чтобы убедиться, что тонометр не врет.

— 130 на 80, практически молодость,— хмуро констатировал он, убирая аппарат в ящичек тумбочки.

И даже бегонии, распутившейся пышным розовым цветом аккурат к морозам, не суждено было порадовать его.

— Нашла время! — проворчал Максим Георгиевич, переставляя ее на подоконник — поближе к скудному зимнему свету.

Завел он ее себе в мае, сразу после похорон жены. По пути с кладбища зачем-то заглянул в ларек на выходе из метро и попросил бегонию. Ехал потом семь остановок на автобусе, бережно прижимал к

грудь горшок с чахлым кустиком и утирал слезы насквозь промокшим носовым платком.

Анютка очень переживала, что он курит. Совестила и просила, чтобы бросил. Покупала журналы по здоровью и читала ему о вреде табака.

— Завтра брошу! — отмахивался он.

— Сколько раз ты мне это уже обещал?!

Максим Георгиевич делал виноватое лицо и, выждав некоторое время, сутулясь и кашляя в кулак, выходил на лестничную клетку, чтоб покурить в распахнутую форточку. Во дворе протекала обычная московская жизнь, соседи в квартире напротив по своему обыкновению ругались так, что слышно было через тяжелую металлическую дверь, по трубе мусоропровода с грохотом скатывался хлам. Максим Георгиевич чутко прислушивался и, если мусор падал внизу со стеклянным звоном, сокрушенно качал головой: «Что за люди, ведь сто раз просили стеклянное на помойку выносить!»

В апрельском номере «Лечебных писем» Анютка нашла статью, где обстоятельно расписывались полезные свойства бегонии.

— Тут говорится, что она очищает воздух и потому строго рекомендуется заядлым курильщикам. Давай заведем. Чистый воздух — залог здоровья.

— Помрем хоть здоровыми,— хмыкнул Максим Георгиевич. Любовь супруги к народным рецептам казалась ему чем-то вроде причуды, и он часто подтрунивал над ней. Она не обижалась.

Бегонию он приобрел в память об Анютке, пускай будет, раз она этого так хотела. Бросать курить не собирался, смысл бросать, когда из близких остались только пожилая дворняжка Тузик, альбом с

пожелтевшими семейными фотографиями и читанные-перечитанные книги, содержание которых помнишь наизусть. Ну и стопка журналов «Лечебные письма», которые рука не поднялась выкинуть.

Тузик после ухода хозяйки совсем сдал, лежал на своем коврикe и молчал. Ел с большой неохотой, страдал обострением артрита. Максим Георгиевич варил каши на бульоне — себе и ему. Наложит две одинаковые порции, свою чуть подсолит, ест и нахваливает. Тузик какое-то время смотрел с жалостью, потом тоже принимался за кашу.

— Что поделаешь,— вел с ним разговор Максим Георгиевич, орудуя ложкой,— так велел ветеринар. Нужно, говорит, заинтересовать тебя едой. Вот стараюсь, как могу. Ты уж не обессудь, если что не так.

Тузик запивал кашу водой и отворачивался к стене. Тосковал по Анютке.

Максим Георгиевич приобрел хозяйственную сумку на колесиках и вывозил его во двор — подышать свежим воздухом и сходить до ветру. Сегодня пришлось в плед укутать — мороз на улице стоял сухой, хрусткий, аж дореволюционный — не вдохнуть и не выдохнуть. Анютка бы сказала — сусально-серебряный. Она очень любила слово «сусальный». Лето у нее было сусально-золотое, зима — сусально-серебряная. Лето в этом году выдалось жарким, зима ударила морозами. «Вот только зря старались, некому теперь вас сусальными называть!» — думал Максим Георгиевич, помогая Тузику выбраться из-под пледа.

На обратной дороге заглянули в продуктовый — прикупить хлеба и куриных крыльев. Магазин переливался новогодними огоньками, в витрине стоял огромный Дед Мороз — дородный, краснощекий — и

приветственно махал прохожим красной варежкой. «И не подумаешь, что ненастоящий!» — проворчал Максим Георгиевич. Его сегодня действительно ничто не радовало, и даже веселый, словно из далекого детства, Дед Мороз навевал одно только уныние.

Он оставил сумку с Тузиком возле камер хранения, вопросительно глянул на охранника — тот покосился на собаку, но махнул рукой — не оставлять же на морозе. Максим Георгиевич коротко кивнул и прошел в зал. 31 декабря магазин работал до семи. До закрытия оставалось еще два часа, посетителей было очень мало — люди заблаговременно купили нужное и теперь, наверное, готовились к празднику. Анютка делала все обстоятельно: туго крахмалила кружевную скатерть, сворачивала из салфеток зайчиков со смешно торчащими ушками, зажигала обязательные красные свечи, заводила проигрыватель... Эх! У Максима Георгиевича защипало в носу. Он часто заморгал, отгоняя слезу, отругал себя за безвольность и решительно направился в отдел выпечки. Там он положил в тележку кирпичик дарницкого (надолго хватит), чуть поколебавшись, добавил еще коробочку курабье — к чаю. Осталось взять куриных крыльев и несколько пакетиков кошачьего корма — любимого лакомства Тузика. Путь лежал через молочный отдел. Вдоль морозильных ларей с мороженым, задумчиво распевая себе под нос песенку про елочку, ходил приставным шагом пятилетний мальчик в голубом комбинезоне. Иногда, прервав пение, он прижимался носом к прозрачной дверце и декламировал по слогам: «Плом-бир-сли-воч-ный в мо-лоч-ном шо-ко-ла-де». И добавлял с восторженным шепотом: «Вай!»

— Где мама? — спросил Максим Георгиевич.

Мальчик не обернулся.

— Там,— махнул он в сторону отдела фруктов-овощей и продолжил чтение: — «Са-хар-ный ро-жок плом-бир с клюк-вой».

Максим Георгиевич сразу разглядел маму мальчика (она выбирала мандарины, принюхиваясь к плодоножкам), но на всякий случай решил уточнить. Он помахал рукой, привлекая к себе ее внимание:

— Это ваш ребенок?

— Мой! — кивнула она. И поспешно добавила: — Он совершенно безобидный.

— Не такой уж и безобидный! — сварливо прогундосил мальчик.

— Артем! — смутилась мама. У нее было очень располагающее к себе открытое лицо и ямочки на щеках.

— Сама же и называла меня горем луковым! — проворчал мальчик и обернулся.

Максим Георгиевич крякнул — щека у него была залеплена большим пластырем.

— Это я случайно с Севой подрался,— пояснил мальчик.

— Специально дерутся только дураки,— согласился Максим Георгиевич.

— Да?

— Зуб даю.

Мальчик округлил глаза.

— Зачем?

Максим Георгиевич, продолживший было свой путь, притормозил:

— Что зачем?

— Зачем зуб даешь?

— Ну... Это выражение такое. Наподобие клятвы. Можно сказать «клянусь», а можно — «зуб даю».

Мальчик почесал себе нос.

— Понятно.

— Я пошел? — спросил разрешения Максим Георгиевич.

— Иди.

Кассирша пробила чек неправильно — продублировала печенье.

— Исмаил, подойди, пожалуйста! — пропела она тонким голоском в переговорную трубку.

Максим Георгиевич удивленно вздернул брови — буквально минуту назад она спросила у него хорошо поставленным басом социальную карту москвича. Исмаил оказался невысоким ослепительно лысым мужичком с мохнатыми бровями. Кассирша кокетливо улыбнулась ему и делано вздохнула — не знаю, что со мной сегодня происходит, постоянно перебиваю.

— Жить просто без меня не можешь,— хохотнул Исмаил.

— Не могу. Женишься на мне?

— А свою жену куда девать?

— Не знаю, не знаю,— последовал певуче-жеманный ответ.

Максим Георгиевич поспешно сложил в авоську продукты.

— Счастливого вам Нового года! — крикнула ему вдогонку кассирша.

Пришлось пожелать ей того же.

Фонарь за окном, наконец-то починенный к праздникам, освещал кусочек тротуара с припаркованной заснеженной машиной, на лобовом стекле которой кто-то вывел незатейливое «Люблю Любу».

— Ишь,— хмыкнул Максим Георгиевич, нацепив на кончик носа обе пары очков — для улицы и для чтения, и разглядывая надпись.

— Пиу-пиу-пиу! — взмыли в небо фейерверки и, взорвавшись разноцветными огнями, растворились в темноте.

Тузик завозился на своем коврикe, вздохнул — он с детства не переносил шума и даже к старости, изрядно потерявши слух, нервно на него реагировал. Хотя сейчас скорее чувствовал его, чем слышал.

— Всю ночь будут взрывать. Придется потерпеть,— Максим Георгиевич с кряхтеньем нагнулся, погладил его по голове, почесал за ухом. Тузик с благодарностью лизнул ему ладонь, прикрыл глаза.

Анютка тоже не переносила шума. Она умела каким-то непостижимым образом убавлять вокруг себя звуки и приглушать тона — говорила всегда полупшепотом, работала практически бесслышно. И мир как будто подлаживался под нее — деликатничал, притихал. Когда ее не стало, живая, наполненная заботой и нежностью тишина обернулась в бездушную и каменную. Только Анютка могла согреть ее своим ненавязчивым, тактичным присутствием.

Максим Георгиевич отчаянно тосковал по ней. Когда становилось совсем невмоготу, он выдергивал из стопки «Лечебных писем» журнал, раскрывал на последней странице и читал письма одиноких стариков, желающих найти себе вторую половинку. Никого он себе не искал, но чужими поисками

удивительным образом утешался. Скупое комментирование письма, над некоторыми смеялся в голос, утирая слезу умиления.

— «Мне исполнилось всего 84 года». Всего 84, а?

— «Хотелось бы познакомиться с работающим дедушкой (без интима). Будем вместе ходить в лес по грибы, по ягоды и на речку купаться». Ишь, без интима ей. Где его в нашем возрасте возьмешь-то, интим этот?

— «Вдовец, 74 года. Был женат 5 раз. 4 раза неудачно, а пятый раз — со смертельным исходом». Кхех!

— «Ищу женщину не старше 50 лет. Приезжай, родная, если ты без судимости». А раз с судимостью, то ходи незамужней!

Максим Георгиевич захлопнул журнал, убрал на место. Достал из пачки сигарету, размял в пальцах.

— Покурить отпустишь?

Тузик не ответил.

— Я быстро.

Он накинул на плечи жакет (Анютка к семидесятилетию связала), завозился с замком, который раз упрекая себя за то, что забывает его смазать. Курил, ежась и постукивая ступней о ступню — холод в подъезде стоял нешуточный.

Дверь соседней квартиры приоткрылась, Максим Георгиевич нехотя обернулся, чтобы поздороваться.

Артем стоял в дверном проеме и смотрел на него правым глазом — левый был скрыт за косяком.

— А что это ты здесь делаешь? — спросил он.

Максим Георгиевич поспешно загасил сигарету.

— Живу. А что ты здесь делаешь?

— Ты снова открыл входную дверь? — слышалось откуда-то из глубины квартиры.

— Мам, смотри, кого я тут нашел! Того дедушку из магазина.

— Какого дедуш... — Мама Артема выглянула на лестничную клетку и обомлела.

— Я в квартире напротив живу,— пояснил Максим Георгиевич.

— Надо же, какое совпадение! А я — коллега ваших соседей. Они уехали на отдых в Таиланд, попросили за котом присмотреть. Вот мы с сыном и переехали.

— На целых десять дней! — вставил Артем.

— Рад, что мы будем соседями целых десять дней. Меня зовут Максим Георгиевич.

Она протянула руку:

— Я Маша.

Он пожал ее руку и неожиданно для себя спросил:

— Вам есть с кем Новый год встречать? Если нет — приходите ко мне. Вместе будет веселей.

Артем радостно подпрыгнул, но тут же деловито поинтересовался:

— А чем ты нас кормить будешь?

— Ничем,— растерялся Максим Георгиевич,— я, честно говоря, и не собирался отмечать. Но раз такое дело... — Он запнулся, не зная, как закончить предложение.

— Вы один живете? — спросила Маша.

— У меня Тузик. Дворняга. И бегония, которая с какой-то радости расцвела сегодня утром.

Маша улыбнулась широко и открыто. «Совсем девочка»,— подумал Максим Георгиевич.

— А знаете что? Приходите-ка к нам с Тузиком и бегонией. У нас утка. И оливье. Правда, я туда вместо яблок репчатый лук добавляю, но это ведь ничего?

— Ничего,— согласился Максим Георгиевич.

— А еще у нас свекольный салат с грецкими орехами, сливками и чесноком. И торт, правда магазинный, но вкусный.

Артем дернул мать за рукав:

— Откуда знаешь, что вкусный? Ты же не пробовала его.

— Предчувствую,— коротко ответила Маша.

Максим Георгиевич кинул окурок в баночку, которая служила ему пепельницей, крепко закрутил крышку.

— Можно я спрошу? Почему вы нюхали мандарины?

Маша убрала руки за спину. Ответила, глядя чуть выше его плеча. Словно высматривала за спиной кого-то.

— У деда в Сухуми был большой мандариновый сад. Мне годика четыре было, но я до сих пор помню. Деда давно нет, и сада тоже нет. А я все нюхаю мандарины. Даже не знаю зачем. Может быть, ищу тот запах из детства. И не нахожу.

Артем слушал мать, затаив дыхание. Пластырь на щеке съехал набок, открыв обработанную йодом неглубокую царапину. Максим Георгиевич вздохнул, улыбнулся.

— Спасибо за приглашение. Придем обязательно.

Новогодняя ночь прошла за разговором. Артем спал на диване, уткнувшись лбом в теплую спинку кота, мигающие гирлянды раскрашивали комнатную темноту разноцветными огоньками. Тузик, не по возрасту бодрый, лежал в ногах Маши, положив голову на ее тапочку. Если она вставала, чтобы заварить новую порцию чая, он тут же выпускал тапочку и, резво цокая по паркетному полу когтями, сопровождал ее до плиты. Когда она усаживалась за стол, он тут же завладевал тапочкой.

— Ты, главное, не съешь ее,— шепнул Максим Георгиевич, подняв край скатерти. Тузик, моментально оскорбившись, глянул на него так, словно лапой у виска покрутил. «Ишь»,— подумал Максим Георгиевич, но вслух ничего говорить не стал.

Маша рассказала ему обо всем: о родителях, похороненных в Калуге, о неудачном первом браке, о своем непростом решении уехать в Москву к любимому человеку, который вроде с тобой, а на самом деле — нет...

— Женат? — прямо спросил Максим Георгиевич.

— Женат. Пять лет обещает развестись.

— Зачем вам мужчина, который не умеет слова сдержать?

— Незачем. Потому я и согласилась пожить здесь. Нужно понять, как дальше быть.

Максим Георгиевич машинально размешал чай. Отпил, поморщился — переложил сахара.

— Свежего заварить? — поднялась Маша.

Тузик с готовностью высунулся из-под стола, чтобы сопроводить ее до плиты.

— Нет, спасибо.

За окном взрывались петарды, у соседней сверху громко играла музыка, на дне салатницы осталось немного оливье — Максим Георгиевич отломил кусочек хлеба, подобрал остатки салата, съел с нескрываемым удовольствием. Анютка натирала туда антоновку и добавляла только яичные желтки, заправляла оливковым маслом — берегла сердце. У Маши он был почти классический, только яблоки заменял репчатый лук, получилось острее и на удивление вкуснее.

— Я пятьдесят лет ел только то, что готовила Анютка. Думал, что ничего вкусного больше не попробую. А теперь вот! — признался Максим Георгиевич. И заплакал.

И, пока Маша бегала в его квартиру — за корвалолом, а проснувшийся Артем, с котом под мышкой (кот висел неудобно, ушастой башкой вниз, но попыток вырваться не делал), гладил его по плечу, он рассказывал, рассказывал, как они жили с Анюткой — душа в душу, пятьдесят с лишним лет, и как она собиралась купить бегонию, но не успела, легла и не проснулась, как жила, согревая собой все, что ее окружало, как однажды, сорок лет назад, она влюбилась в другого, призналась ему и попросила отпустить, но он не смог этого сделать, потому что любил так, что казалось — уйди она, и он прекратит дышать, и как он стоял перед ней на коленях, умолял не бросать его, и она осталась, и никогда, ни разу он не попрекнул ее случившимся, и она ни разу не попрекнула его тем, что не дал ей уйти, и как не случилось детей, хотя они о них мечтали и никогда не теряли надежды, и как он оплакивал Анютку, как перебирал ее платья в шифоньере, как нашел в коробке из-под обуви дневник, где она писала о своей любви к нему и о том, что ни минуты

не жалеет о том, что осталась с ним, и как сегодня расцвела бегония, а на заснеженном капоте машины кто-то вывел глупое «Люблю Любу» и заключил в кривенькое, но сердце, столько в мире любви, плакал Максим Георгиевич, впервые не стыдясь своих слез и не коря себя за мягкотелость, столько в мире любви, а у меня ее нет и никогда уже не будет!

Лег он почти под утро, усталый и опустошенный. Тузик свернулся в ногах и на каждый шорох насто-роженно приподнимался, спи, все хорошо, попросил Максим Георгиевич, и тот уснул наконец, положив тяжелую голову ему на ногу, и храпел во сне, и даже дергал лапой — наверное, гонялся за кем-то, а может быть, убегал от кого-то. Видишь, как все вышло, крепился-крепился и сорвался перед чужими людьми, нет пытки хуже, чем одиночество, теперь я это знаю наверняка, шептал Максим Георгиевич, ведя один из своих нескончаемых безответных диалогов, которые стали единственной возможностью его существования — казалось, прекрати он говорить с Анюткой, и жизнь в тот же миг закончится.

Разбудил их долгий звонок в дверь, Тузик сполз с кровати, поплелся, припадая на правую лапу, хэх, забыли вчера лекарством намазать, закручинился Максим Георгиевич, натягивая брюки, иду, уже иду, крикнул он, водружая на переносицу очки, шел, держась за стену,— ломило затылок, отпирал, привычно коря себя за то, что забыл смазать замок. За дверью обнаружили Маша, Артем, кот и бегония, которую он вчера забыл у них, у кота торчали глаза и уши, у Артемки на щеке был новый, красный пластырь вместо вчерашнего желтого, Маша прижимала к груди горшок с бегонией и большой термос, бегония расцвела пуще вчерашнего и даже,